

НОРМИРОВАНИЕ ТРУДА: ВЫЯВЛЕННЫЙ ПОДХОД ПРЕДПОЧТЕНИЙ ПРИ НАЙМЕ

Emily Breza, Supreet Kaur and Yogita Shamdassani

АННОТАЦИЯ

Оценка уровня безработицы является эмпирической сложной задачей. Экономисты в настоящее время полагаются на данные самозанятых, достоверность которых неизвестна и которые затрудняют отделение тех, кто покинул рабочую силу, и самозанятых от нормированных работников. В данной статье мы развиваем подход к получению первых выявленных оценок предпочтений нормирования труда. Мы создаем большие временные потрясения при приеме на работу на местных рынках труда Индии — нанимая до 35% рабочей силы мужского пола для месячной работы на внешних фабриках. Мы изучаем влияние этих временных потрясений на местный рынок труда, чтобы определить степень нормирования. Мы находим доказательства жесткого нормирования труда в неурожайные сезоны, которые составляют 6 месяцев в году. В частности, «удаление» значительной части работников не приводит к изменению местной заработной платы и к изменению местного совокупного уровня занятости (исключая наши внешние рабочие места); это связано с положительным эффектом занятости в соотношении один к одному для оставшихся работников, которые получают выгоду от снижения конкуренции за рабочие места. Далее мы разложим нормирование на вынужденную безработицу и скрытую безработицу (самозанятые работники, предпочитающие наемный труд). Напротив, мы обнаруживаем ограниченные доказательства нормирования рабочей силы в периоды пиковой занятости: в эти месяцы временные шоки внешнего найма увеличивают местные заработные платы и сокращают местную совокупную занятость. Кроме того, мы показываем, что традиционные правительственные исследования существенно недооценивают уровень безработицы в этих условиях. Этот подход может быть расширен для получения выявленных границ предпочтений в отношении вынужденной безработицы в различных условиях.

Department of Economics, Harvard University; NBER; JPAL.

Department of Economics, University of California Berkeley; NBER; JPAL.

Department of Economics, University of Pittsburgh.

ВВЕДЕНИЕ

Отличить элементы добровольности от элементов произвольности в проблеме безработицы — безнадежная попытка. (Феллнер, 1976)

Ранние работы в области экономики развития серьезно относились к идее о том, что значительная часть сельской рабочей силы является безработной. Исследования 1950-х и 1960-х годов, основанные на данных опросов, показали, что сельские рынки труда кажутся неясными, что приводит к избыточному предложению рабочей силы (например, Lewis, 1954; Eckaus, 1955; Leibenstein, 1957). Эта идея имеет потенциальную актуальность и сегодня. Например, сельскохозяйственные рабочие в Индии сообщают, что работают в сельском хозяйстве только 44% дней в течение года (Национальное выборочное обследование (NSS), 2009). Однако официальный уровень безработицы в сельской местности по данным того же опроса составил всего 1,6%.

Такую статистику опросов трудно интерпретировать. Является ли незанятость добровольной или вынужденной? Являются ли работники, которые сообщают о самозанятости на домашних предприятиях, полностью занятыми, или это «скрытая безработица» — форма неполной занятости и реакция на нормированное исключение с рынка труда? Выявление истинных уровней вынужденной незанятости и неполной занятости имеет решающее значение для понимания функционирования сельских рынков труда.

Проблема измерения безработицы касается как богатых, так и бедных стран. На сегодняшний день экономисты измеряют уровень безработицы, используя данные самоотчетов, достоверность которых сомнительна (Taylor, 2008; Card et al., 2012). Например, респонденты опроса, запросившие ретроспективную информацию о рынке труда, скорее всего, переоценят занятость и недооценят периоды безработицы (Bowers and Horvath, 1984; Mathiowetz and Ouncan, 1988). Более того, неполная занятость усложняет любой анализ рынка труда (Ham, 1982). Кроме того, люди могут быть неквалифицированными.

В этой статье мы преодолеваем эти проблемы, разрабатывая подход с выявлением предпочтений для проверки и количественной оценки нормирования труда. Мы определяем, что рабочий должен быть исключен из рынка труда, если он удовлетворяет двум условиям: а) он предпочел бы оплачиваемую работу (при существующей рыночной заработной плате за эту работу) тому, что он делает в настоящее время (т. е. Рабочий не находится на своем рабочем месте). Кривая предложения труда), и б) работник пригоден для трудоустройства при этой заработной плате (т.е. С точки зрения работодателя его предельный продукт превышает текущую рыночную заработную плату за данную работу).

Местом проведения нашего теста являются сельские рынки труда в Одише, Индия, которые отражают сезонность, наблюдаемую в большинстве сельских районов с низкими доходами. В частности, мы используем возможность нанимать рабочих на 2-4-недельную работу на внешних фабриках. Мы используем это для создания временных совокупных шоков найма в (случайных) деревнях, поглощая до 35% рабочей силы временных рабочих-мужчин. Чтобы проверить наличие нормирования, мы исследуем, как этот внешний шок найма влияет на заработную плату и занятость на местном деревенском рынке труда. Мы проводим этот тест в разные месяцы года, которые соответствуют разным уровням спроса и занятости на рынке труда.

Если размер нормирования рабочей силы незначительно превышает размер внешнего шока найма, то мы прогнозируем, что шок найма будет иметь следующие последствия для рабочих, которые остаются в деревне:

- L1) не влияет на местную заработную плату;
- L2) положительные побочные эффекты занятости — более высокая индивидуальная занятость (из-за снижения конкуренции за рабочие места);
- L3) не влияет на совокупный уровень занятости. Напротив, если шок найма больше, чем размер нормирования (например, если нет нормирования труда), то такой найма должен привести к:
 - P1) увеличению местной заработной платы;
 - P2) снижению совокупной занятости среди рабочих, остающихся в деревне. Обратите внимание, что это представляет собой тест на выявление предпочтений при нормировании.

В частности, если прогнозы L1-L3 выполняются, работники показывают, что они предпочитают работу с рыночной заработной платой своей предыдущей деятельности (например, безработица или

самозанятость), и работодатели сообщают, что работник имеет право быть нанятым на эту работу с рыночной заработной платой.

Преимущество этого подхода заключается в том, что он раскрывает функционирование рынка труда без прямого вмешательства в интересующие его участников. Хотя мы экзогенно генерируем шоки при найме на работу, интересующие результаты полностью определяются местной реакцией существующих работодателей и работников, которые никогда не взаимодействуют с внешними фабриками. Мы просто «убираем» некоторых работников и изучаем, что делает рынок труда в ответ. Кроме того, изучение того, кто получает выгоду от побочных эффектов занятости, можно использовать для разложения нормирования на два компонента: вынужденная безработица и скрытая безработица. Наконец, мы сравниваем наши выявленные оценки предпочтений с рядом традиционных показателей безработицы, основанных на опросах, основанных на самооценке.

Мы проводим эксперимент, используя стратифицированную схему исследования подобранных пар на 64 рынках труда (т. е. деревнях) в разное время года. Мы приглашаем рабочих подписаться на работу на внешних фабриках, которые отражают желательные рабочие места в обрабатывающей промышленности с более высокой заработной платой, что приводит к регистрации значительной части рабочей силы. Затем мы случайным образом выбираем из числа зарегистрировавшихся, чтобы определить, какие работники будут «удалены». В среднем мы нанимаем 24% рабочей силы мужчин в лечебных поселках. Мы используем уровень занятости в необработанных деревнях в качестве показателя базовой слабости на рынке труда; Используя этот показатель, мы классифицируем раунды найма как на пиковые или неурожайные периоды года.

Наши результаты подчеркивают два ярких факта о функционировании сельских рынков труда в наших условиях. Во-первых, они обеспечивают сильную поддержку высокого уровня нормирования в неурожайные сезоны (которые составляют около 6 месяцев в году). Во-вторых, они подчеркивают важность сезонности: в часы пик реакция рынка труда на потрясения соответствует той, которую можно было бы ожидать в условиях прояснения рынка.

В частности, в соответствии с прогнозом L1, мы не находим никаких доказательств того, что заработная плата в деревне меняется в ответ на внешний шок найма в неурожайные месяцы. Однако в пиковые месяцы шок при приеме на работу повышает местные заработные платы в среднем на 0,0545 логарифмического пункта (р-значение 0,0179) (прогноз P1). Эти результаты справедливы для выборок работников, как для тех, кто подписался на работу, так и для всей деревни (включая тех, кто не подписался на внешнюю работу), что указывает на рост равновесной заработной платы².

Далее мы анализируем влияние шока при приеме на работу на людей, оставшихся в деревне. В частности, мы рассматриваем рабочих, которые подписались на работу на внешних фабриках, но не были случайно приняты на работу — то есть «побочная выборка».³ В неурожайные месяцы мы обнаруживаем существенные побочные эффекты — вероятность трудоустройства по найму увеличивается на 0,0552 процентных пункта. (значение р 0,004) при базовом уровне занятости по найму 0,145 (прогноз L2). Это согласуется с нашим прогнозом, что работники, которые ранее получали нормированные рабочие места, заполняют рабочие места, когда их коллеги «убираются» с рынка труда. Напротив, мы не можем отрицать тот факт, что в пиковый сезон занятость не влияет на оставшихся работников.

Наконец, чтобы проверить прогноз L3, мы измеряем влияние на совокупный уровень занятости (исключая рабочие места на внешних предприятиях). Для этого мы суммируем занятость всех работников на рынке труда — тех, кто подписался на нашу работу, и тех, кто этого не сделал. В соответствии с прогнозом L3, совокупная местная занятость в межсезонье не изменится. Это следует из двух предыдущих прогнозов. Поскольку заработная плата не меняется в межсезонье, спрос на рабочую силу со стороны работодателей остается прежним; Рабочие, получающие нормирование, заполняют эти рабочие места, что приводит к одинаковому уровню совокупной занятости в деревне. Другими словами, создание внешних рабочих мест для до 35% работников не приводит к вытеснению частного рынка труда в межсезонье.

Напротив, в соответствии с прогнозом P2, шоки найма приводят к снижению совокупной занятости в пиковый сезон. Рабочие в деревнях, которые испытали шоки при найме на работу, испытывают снижение занятости на 0,040 процентных пункта (значение р 0,002) при базовой ставке занятости по найму 0,198. В пик сезона каждое рабочее место, которое мы создаем на наших внешних фабриках, вытесняет 0,149 дней (р-значение 0,0659) занятости на местном рынке труда.

Далее мы разлагаем нормирование на вынужденную безработицу и скрытую безработицу

(самозанятые работники, предпочитающие наемный труд). Большой объем работ в области развития показал, что нормированные люди могут обратиться к менее продуктивной самозанятости как к способу получения дохода, создавая «скрытую безработицу» или «неполную занятость» (например, Singh et al., 1986; Benjamin, 1992).). В соответствии с этим, в ответ на шоки при приеме на работу в неурожайные месяцы, работники переходят от самозанятости к оплачиваемой работе, когда работу становится легче найти. Самозанятость снижается с большим отрывом: 0,0390 процентных пункта на базе 0,13 (р-значение 0,031). На это приходится примерно 71% побочных эффектов занятости.

Наконец, мы оцениваем влияние шока при приеме на работу на вынужденную безработицу, о которой сообщают сами сотрудники. Для этого мы рассмотрим два показателя вынужденной безработицы. Во-первых, мы измеряем влияние традиционного показателя, используемого в государственных исследованиях в различных условиях (например, в Индии и США).⁴ Этот традиционный подход классифицирует работников как вынужденных безработных только в том случае, если они не сообщают об отсутствии другой трудовой деятельности. Согласно этому показателю, мы не можем обнаружить существенных изменений в вынужденной безработице в межсезонье в результате потрясений при приеме на работу. Учитывая важность скрытой безработицы в наших условиях, это неудивительно — многие работники, которые кажутся хорошо занятыми в самостоятельной занятости, на самом деле принудительно вытесняются с рынка наемного труда. Во-вторых, мы предлагаем альтернативную меру, которая позволяет работникам указать, предпочли бы они оплачиваемую работу своей деятельности в конкретный день. Используя этот показатель, вынужденная безработица снижается на 0,553 процентных пункта (р-значение 0,045). Это близко соответствует нашим оценкам побочных эффектов, указывая на то, что этот показатель опроса приблизительно соответствует величине выявленной реакции предпочтений.

Наш дизайн позволяет нам исключить ряд потенциальных проблем, которые могут затруднить интерпретацию приведенных выше результатов. Во-первых, если предложение рабочей силы совершенно эластично, это может привести к прогнозам L1-L3 даже в отсутствие нормирования. Мы используем данные Breza et al. (2019), в котором работникам предлагаются рабочие места от существующих сельскохозяйственных работодателей с произвольным уровнем заработной платы. Значительное предложение рабочей силы ниже преобладающей заработной платы, что исключает абсолютно эластичное предложение. Кроме того, в эксперименте, описанном в этой статье, наши результаты по заработной плате и занятости в неурожайные месяцы потребуют эластичности предложения рабочей силы в пределах 5,6–27,4 для обоснования наших выводов. Это неправдоподобно высокий показатель и существенно выше, чем расчетная эластичность предложения рабочей силы в Breza et al. (2019).

Во-вторых, мы проверяем, может ли отсутствие влияния на совокупную занятость и отказ от самозанятости частично быть вызвано тем, что работники откладывают деятельность по самозанятости. Мы возвращаемся к опросу респондентов через две недели после окончания шока предложения рабочей силы и не обнаруживаем никакого долгосрочного воздействия на уровень занятости в неурожайный сезон. Более того, деятельность самозанятости, во всяком случае, остается в упадке даже после окончания шока предложения.

В-третьих, можно задаться вопросом, может ли отсутствие реакции на заработную плату быть связано с изменениями в составе имеющихся работников из-за шока предложения рабочей силы. Однако даже если средний уровень квалификации работников изменится, наши оценки все равно дают нижнюю границу уровня нормирования. Важно отметить, что, согласно выявленным предпочтениям, любой работник, который получает положительные побочные эффекты от шока предложения рабочей силы, должен быть достаточно производительным, чтобы его можно было трудоустроить по рыночному уровню заработной платы. Учитывая, что в неурожайный сезон шок от найма не влияет на заработную плату, озабоченность качеством не меняет наших выводов о степени нормирования труда. Важно отметить, что наша конструкция не требует от нас занимать определенную позицию в отношении механизма распределения труда при наличии нормирования.

При интерпретации наших результатов необходимо сделать несколько дополнительных оговорок. Очевидно, что величины наших оценок имеют отношение только к нашему конкретному контексту сельской Одиши. Однако мы считаем, что методология и проблема измерения вынужденной незанятости и неполной занятости имеют гораздо более широкое значение, охватывая как богатые, так и бедные страны. В нашем конкретном контексте актуальны две разные парадигмы рынка труда, зависящие от предсказуемых колебаний уровня занятости. Аналогичная динамика, вероятно, будет

преобладать во многих сельских районах развивающихся стран. Мы также отмечаем, что наша конструкция не объясняет и не требует объяснения микрооснов нормирования (см. Breza et al., 2019).

Наша статья напрямую обращается к нескольким различным литературам. Во-первых, мы добавляем к длинному ряду исследований, анализирующих сельские рынки труда в развивающихся странах. Как мы упоминали выше, ранняя работа предполагает серьезные искажения на рынке труда, включая избыточную рабочую силу, нормирование и неудачи в разделении труда (Lewis, 1954; Eckaus, 1955; Leibenstein, 1957). Однако последующая волна исследований документально подтвердила корректировку заработной платы в зависимости от шоков, на что многие указывают как на доказательства, несовместимые с серьезными искажениями (Rosenzweig, 1988; Jay-achandran, 2006; Imbert and Papp, 2015; Breza and Kinnan, 2018). Эти противоречивые выводы и точки зрения затрудняют характеристику функционирования сельских рынков труда. Мы предоставляем первые экспериментально выявленные доказательства масштабов нормирования труда в сельской местности развивающейся страны. Кроме того, мы примиряем два направления этой литературы, показывая, что последствия потрясений на рынке труда сильно зависят от сезонности: корректировка заработной платы и занятости происходит быстро в пиковые сезоны.

Во-вторых, эта статья также связана с недавней работой по изучению воздействия потрясений, касающихся рынков труда, на общее равновесие (Дональдсон и Кенистон, 2016; Муралидхаран и др., 2017; Акрам и др., 2017). В этих документах обычно находят свидетельства реакции заработной платы. Наши результаты согласуются с этими типами эффектов, но мы также показываем, что, что особенно важно, степень возможной реакции заработной платы будет зависеть от того, ограничится ли шок периодами скудной занятости или же он будет перекрываться с пиковыми периодами года. Наша методология тесно связана с Steron et al. (2013), которые варьируют интенсивность услуг по трудоустройству (шок предложения) на французских рынках труда, чтобы проверить эффекты вытеснения. Они находят доказательства того, что прямая выгода от лечения достигается за счет других, не получающих лечения работников на том же рынке труда. Они также находят доказательства того, что основные рыночные условия являются ключевыми факторами, способствующими эффекту смещения. Поскольку наши потрясения при приеме на работу настолько велики, мы можем пойти дальше в этой методологии и протестировать совокупное воздействие на весь рынок труда, и в нашем контексте измерить степень нормирования.

Наконец, как обсуждалось выше, наша статья связана с литературой по экономике труда, посвященной измерению безработицы. Возможно, неудивительно, что мы показываем, что стандартная методология опроса для выявления вынужденной безработицы не соответствует выявленным нами оценкам предпочтений. Мы предлагаем новый способ выявления вынужденной безработицы с помощью опросов и эмпирически подтверждаем его в нашем контексте. Мы считаем, что это может быть особенно полезно в условиях высокой вероятности скрытой безработицы или неполной занятости (например, высокий уровень мелкой самозанятости).

КОНТЕКСТ

Эксперимент проводится в деревнях пяти районов сельской Одиши, Индия. Рынки временного поденного труда в этих условиях чрезвычайно активны. Работники, получающие поденную заработную плату, занимаются в основном неорошаемым сельским хозяйством примерно шесть месяцев в году. В оставшиеся неурожайные месяцы они обычно ищут работу по краткосрочному контракту в несельскохозяйственных отраслях, таких как производство и строительство.

Деревня представляет собой четкую границу для случайного рынка труда — работники с поденной заработной платой обычно находят работу как в сельском, так и в несельскохозяйственном секторе в пределах своей деревни или вблизи нее. Например, среди работников в нашей выборке исследования 70% и 46% зарегистрированных рабочих дней в сельском и несельскохозяйственном секторе соответственно приходится на работу в деревне. Для работы за пределами деревни среднее расстояние от собственной деревни составляет 3 км для сельскохозяйственной занятости и 4 км для несельскохозяйственной занятости. Кроме того, найм в значительной степени определяется работодателями: работодатели обращаются к работникам в течение 88% заявленных рабочих дней, в то время как работники обращаются к работодателям только в течение 5% заявленных рабочих дней.

Уровень занятости, как правило, низкий; средний дневной уровень занятости, ограничиваясь только наемной работой, составляет 17%. Кроме того, уровень занятости сильно варьируется.

Среднедневной уровень занятости падает до 13% в неурожайные месяцы, которые охватывают примерно половину года, и возрастает до 21% в пиковые месяцы. Таким образом, деревни в нашем исследовании соответствуют общей характеристике сельской экономики: длительным периодам низкой занятости.

ГИПОТЕЗЫ

Определение нормирования труда. Предположим, что преобладающая заработная плата за один день работы на повседневном рынке равна w . Мы определяем рабочего как нормированного в данный день, когда выполняются следующие два условия:

рабочий хочет предложить рабочую силу по заработной плате w , но не может найти работу; работник имеет квалификацию для работы, которую выполняют другие жители деревни.

Первое условие, по сути, гласит, что работник не находится на своей кривой предложения труда. Второе условие гласит, что работник, который хочет получить работу, но не обладает для нее квалификацией (в том смысле, что работодателю никогда не будет выгодно нанимать ее с заработной платой w), не считается нормированным. Обратите внимание, что мы не занимаем никакой позиции ни по микрооснованию, ни по механизму нормирования. Наша цель — количественно оценить нормирование и разложить его на вынужденную безработицу и скрытую безработицу.

Прогнозируемые последствия негативного шока предложения рабочей силы. Цель нашего полевого эксперимента — экзогенно шокировать предложение рабочей силы в деревне. Это достигается с помощью экспериментального шока при найме, когда часть работников на местном рынке труда нанимается на внешние рабочие места, созданные за пределами деревни. Изгнание рабочих из деревни приводит к сокращению остаточного предложения рабочей силы, остающейся в деревне, в то время как местный спрос на рабочую силу остается неизменным. Затем мы исследуем, что происходит на местном рынке труда после негативного шока предложения.

Излагая наши прогнозы, мы используем самую простую структуру для интерпретации наших результатов: стилизованную структуру спроса и предложения. Пусть E обозначает уровень занятости (в рабочих днях) в деревне, а w — деревенскую заработную плату в отсутствие нашего вмешательства. Отрицательный шок предложения (переход от S к S') должен привести к: P1) увеличению местной заработной платы с w на w' ; и P2) уменьшение совокупной занятости среди рабочих, остающихся в деревне (т. е. тех, кто не нанят нами для работы на фабриках), так что общая занятость после шока $E' < E$.

Как и раньше, E обозначает уровень занятости в деревне, а w обозначает деревенскую заработную плату в отсутствие нашего вмешательства. На этом рынке труда существует нормирование: предложение ES превышает спрос ED при заработной плате w . Если объем нормирования труда незначительно превышает размер шока предложения, то мы прогнозируем, что отрицательный шок предложения (переход от S к S') должен привести к: L1) отсутствию влияния на местные заработные платы; L2) положительные эффекты занятости среди работников, остающихся в селе — более высокая индивидуальная занятость (из-за снижения конкуренции за рабочие места); и L3) не влияет на совокупный уровень занятости. Если прогнозы L1-L3 верны, работники показывают, что они предпочитают работу в точке w своей предыдущей деятельности (например, безработица или самозанятость), а работодатели показывают, что работники имеют квалификацию для найма на работу в точке w — это, таким образом, представляет собой выявленную тест предпочтений при нормировании.

Обратите внимание, что приведенные выше прогнозы L2 и L3 по своей сути связаны. Размер нормирования равен $ES - ED$ в пересчете на трудо-дни. Из-за шока предложения группа сельских рабочих достигает полной занятости на фабриках. Это приводит к перераспределению занятости на оставшихся рабочих (то есть тех, кого мы не нанимаем для работы на фабриках), поскольку большая часть из них может заполнить доступные рабочие места (с точки зрения рабочих дней) в местной деревне. рынок труда (Прогноз L2). Однако до тех пор, пока объем нормирования рабочей силы незначительно превышает размер отрицательного шока предложения, общая занятость (т. е. общее количество рабочих дней, нанятых работодателями) на местном деревенском рынке труда не изменится (прогноз L3).

Чтобы проиллюстрировать эти предсказания, рассмотрим следующее мыслительное упражнение. Предположим, 10 рабочих хотят работать в деревне за зарплату w , но с этой зарплатой

доступно только 5 рабочих мест. В результате 5 рабочих нанимаются по заработной плате w , а остальные 5 работников работают по нормам (50% занятости). Теперь предположим, что мы убираем с деревенского рынка труда 4 рабочих. Это высвободит рабочие места, и большая часть оставшихся работников сможет работать на деревенском рынке труда с заработной платой w . В частности, осталось 6 работников, желающих работать, и 5 свободных мест (83% занятости). Напротив, если бы 5 безработных рабочих не хотели работать, они бы не согласились на работу с заработной платой w ; это обеспечивает проверку условия, указанного выше. Кроме того, тот факт, что рабочие, оставшиеся в деревне, нанимаются за заработную плату w , указывает на то, что работодатели воспринимают их как квалифицированных для работы с заработной платой w ; это дает тест на условие выше.

Наши прогнозы, приведенные выше, не требуют от нас занимать позицию в отношении того, как состав работников (с точки зрения способностей) меняется в результате шока предложения. Возможно, существует распределение уровней способностей среди нормированных работников. Однако для того, чтобы мы могли наблюдать вторичные эффекты занятости (Прогноз L2), должно быть так, что нормированные работники имеют право на работу с заработной платой w .

Разлагающееся нормирование. Если будет нормирование труда — предложение превышает спрос при заработной плате w — то не все работники, которые хотели бы работать по заработной плате, найдут работу. Лица, получающие нормированное пособие, могут оказаться безработными или могут обратиться к менее продуктивной самозанятости как способу получения дохода, создавая скрытую безработицу или «вынужденных предпринимателей» (Singh et al., 1986). Для этих «вынужденных предпринимателей» заработок от самостоятельной занятости ниже w , но выше их резервной заработной платы.

Мы проверяем, в какой степени шок предложения побуждает подгруппу самозанятых людей отдавать предпочтение наемной работе в точке w , таким образом идентифицируя себя посредством выявленных предпочтений как «вынужденных предпринимателей». Мы прогнозируем, что при нормировании отрицательный шок предложения приведет к сокращению рабочих дней в сфере самозанятости для работников, которые остаются в составе рабочей силы (т. е. тех, кто не нанят нами для работы на внешних работах).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наши оценки нормирования специфичны для рынков труда в сельской Одише, Индия, в неурожайные месяцы. Поскольку в пиковые месяцы может быть полная занятость, мы не можем заключить, что нормированные работники могут быть полностью удалены из деревень без какого-либо снижения производительности сельского хозяйства. Таким образом, наши результаты подтверждают идею «недостаточно используемого труда», но не позволяют сделать вывод о том, существует ли «избыточный труд» (Lewis, 1954; Leibenstein, 1957).

Преобладание нормирования предполагает, что в году бывают скудные периоды, когда работники не находятся на кривой предложения рабочей силы, и, следовательно, заработная плата не играет распределительной роли. Это имеет важные последствия для анализа политики на рынке труда — например, при оценке эффектов общего равновесия индийской национальной программы оплаты труда, Национальной схемы гарантий занятости в сельской местности (NREGS), которая обычно обеспечивает сельских рабочих работой в сельскохозяйственный неурожайный сезон. Поэтому роль сезонности следует воспринимать серьезно, как фактор, способствующий анализу рынка труда, а затем и формулированию политики.

Наконец, хотя величины наших оценок актуальны только для контекста нашего исследования, проблема измерения вынужденной незанятости и неполной занятости, а также методология выявленных предпочтений, которую мы используем, имеют гораздо более широкое значение как для бедных, так и для богатых стран. Мы считаем, что в контексте Одиши актуальны две разные парадигмы рынка труда, в зависимости от предсказуемых колебаний слабого рынка труда. Это означает, что рынок труда может принципиально отличаться в своем функционировании в течение года. Обнаружение доказательств необходимости нормирования в нашем контексте предполагает серьезное отношение к идее о том, что рынки труда могут не очищаться в других сельских районах развивающихся стран, где уровень занятости низок в некоторые периоды года. Это дает стимул и направление для расширенной работы по устранению разногласий на рынке труда в бедных странах.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- AKRAM, A. A., S. CHOWDHURY, AND A. M. MOBARAK (2017): "Effects of emigration on rural labor markets," Tech. rep., National Bureau of Economic Research.
- BENJAMIN, D. (1992): "Household composition, labor markets, and labor demand: Testing for separation in agricultural household models," *Econometrica: Journal of the Econometric Society*, 287-322.
- BOWERS, N. AND F. W. HORVATH (1984): "Keeping time: An analysis of errors in the measurement of unemployment duration," *Journal of Business & Economic Statistics*, 2, 140-149.
- BREZA, E., S. KAUR, AND N. KRISHNASWAMY (2019): "Scabs: The Social Suppression of Labor Supply," Tech. rep., National Bureau of Economic Research.
- BREZA, E., S. KAUR, AND Y. SHAMDASANI (2018): "The morale effects of pay inequality," *The Quarterly Journal of Economics*, 133, 611-663.
- BREZA, E. AND C. KINNAN (2018): "Measuring the equilibrium impacts of credit: Evidence from the Indian microfinance crisis," Working Paper.
- CARD, D., A. MAS, E. MORETTI, AND E. SAEZ (2012): "Inequality at work: The effect of peer salaries on job satisfaction," *The American Economic Review*, 102, 2981-3003.
- CREPON, B., E. DUFLO, M. GURGAND, R. RATHELOT, AND P. ZAMORA (2013): "Do labor market policies have displacement effects? Evidence from a clustered randomized experiment," *The Quarterly Journal of Economics*, 128, 531-580.
- DONALDSON, D. AND D. KENISTON (2016): "Dynamics of a Malthusian Economy: India in the Aftermath of the 1918 Influenza," Working Paper.
- ECKAUS, R. S. (1955): "The factor proportions problem in underdeveloped areas," *American Economic Review*, 539-565.
- FELLNER, W. (1976): "Towards a Reconstruction of Macroeconomics," Tech. rep., American Enterprise Institute.
- HAM, J. C. (1982): "Estimation of a labour supply model with censoring due to unemployment and underemployment," *The Review of Economic Studies*, 49, 335-354.
- IMBERT, C. AND J. PAPP (2015): "Labor market effects of social programs: Evidence from India's employment guarantee," *American Economic Journal: Applied Economics*, 7, 233-263.
- JAYACHANDRAN, S. (2006): "Selling labor low: Wage responses to productivity shocks in developing countries," *Journal of Political Economy*, 114, 538-575.
- KAUR, S., S. MULLAINATHAN, S. OH, AND F. SCHILBACH (2019): "Does Financial Strain Lower Productivity?" Working Paper.
- LEIBENSTEIN, H. (1957): *Economic backwardness and economic growth: Studies in the theory of economic development.*, New York: Wiley.
- LEWIS, W. A. (1954): "Economic Development With Unlimited Supplies of Labour," *The Manchester School*, 22, 139-191.
- MATHIOWETZ, N. A. AND G. J. OUNCAN (1988): "Out of work, out of mind: Response errors in retrospective reports of unemployment," *Journal of Business & Economic Statistics*, 6, 221-229.
- MURALIDHARAN, K., P. NIEHAUS, AND S. SUKHTANKAR (2017): "General equilibrium effects of (improving) public employment programs: Experimental evidence from india," Tech. rep., National Bureau of Economic Research.
- ROSENZWEIG, M. R. (1988): "Labor markets in low-income countries," in *Handbook of Development Economics*, Elsevier, vol. 1, 713-762.
- SINGH, I., L. SQUIRE, J. STRAUSS, ET AL. (1986): *Agricultural household models: Extensions, applications, and policy.*, Johns Hopkins University Press.
- TAYLOR, J. (2008): "Involuntary unemployment," *The New Palgrave Dictionary of Economics*, Second Edition.